

Антонио Грамши

Тюремные Тетради - <http://lib.rus.ec/b/98976/read#t18>

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Является ли интеллигенция самостоятельной и независимой социальной группой или же всякая социальная группа имеет свою собственную, особую категорию интеллигенции? Проблема эта сложная, так как реальный исторический процесс формирования различных категорий интеллигенции принимал до сих пор различные формы. Из этих форм две являются наиболее значительными:

1) Всякая социальная группа, рождаясь на исходной почве существенной функции в мире экономического производства, органически создает себе вместе с тем один или несколько слоев интеллигенции, которые придают ей однородность и сознание ее собственной роли не только в экономике, но и в социальной и политической области: предприниматель-капиталист создает вместе с собой технического специалиста для промышленности, ученого – специалиста по политической экономии, организатора новой культуры, нового права и т. д. и т. п. Необходимо отметить тот факт, что и предприниматель представляет собой высший социальный продукт, который характеризуется уже известной организационной и технической (то есть интеллектуальной) способностью: он должен обладать известной технической способностью не только в непосредственной сфере его деятельности и начинаний, но и в других сферах, по крайней мере наиболее близких к экономическому производству (он должен быть организатором человеческих масс, организатором «доверия» вкладчиков в его дело, покупателей его товара и т. д.). Если не все предприниматели, то по крайней мере их элита должна обладать способностью организатора общества вообще, всего его сложного служебного организма, вплоть до государственного аппарата, в силу необходимости создавать более благоприятные условия для расширения собственного класса; или должна обладать по меньшей мере способностью выбирать «приказчиков» (специальных служащих), доверяя им эту организаторскую деятельность в области общих взаимоотношений за пределами предприятия. Можно заметить, что представители «органической» интеллигенции, которую каждый новый класс создает вместе с собой и формирует в своем поступательном развитии, являются большей частью «специалистами» в области отдельных сторон первоначальной деятельности нового социального типа, который новый класс вывел в свет. (И феодальные синьоры обладали известной технической способностью, в частности в области военной деятельности, и именно с того времени, когда аристократия теряет монополию в военно-техническом деле, начинается кризис феодализма. Но формирование интеллигенции в феодальном мире, как и в более раннем – античном, является вопросом, подлежащим самостоятельному рассмотрению; это формирование и выработка идут путями, которые должны быть конкретно изучены. Так, следует заметить, что крестьянство, хотя и играет существенную роль в мире производства, но не вырабатывает собственной «органической» интеллигенции и не «ассимилирует» ни одного слоя «традиционной» интеллигенции, хотя другие социальные группы берут в свои ряды многих интеллигентов – выходцев из крестьян, и значительная часть традиционной интеллигенции – крестьянского происхождения.)

2) Однако всякая «существенная» социальная группа, выходя на историческую арену из предшествующего экономического базиса как продукт его развития, находила – по крайней мере так было в истории до сих пор – ранее возникшие категории интеллигенции, которые даже выступали как представляющие непрерывность исторического развития, не нарушаемую даже самыми сложными и радикальными изменениями социальных и политических форм. Наиболее типичной из этих категорий интеллигенции являются церковнослужители, монополизировавшие в течение длительного времени (на целую историческую эпоху, которая и характеризуется частично этой монополией) ряд важных областей общественной деятельности: религиозную идеологию, то есть философию и науку эпохи, включая школу, воспитание, мораль, правосудие, благотворительность, общественную помощь и т. д. Категорию церковников можно рассматривать как категорию интеллигенции, органически связанную с земельной аристократией: она была юридически уравнена с аристократией, наравне с которой она пользовалась правами феодальной собственности на землю и государственными привилегиями, связанными с собственностью. Но монополия церковнослужителей (во многих языках неолатинского происхождения или испытанных, через церковную латынь, сильное влияние этих языков слово «chierico» имеет также возникший отсюда широкий смысл – «интеллигент» или «специалист» с соотносительным ему «lai-co» в смысле невежды, неспециалиста) в сфере надстроек удерживалась не без борьбы и отнюдь не оставалась неограниченной; это связано с рождением в различных формах (которые подлежат конкретному исследованию и изучению) других категорий, росту которых способствовало усиление центральной власти монарха вплоть до абсолютизма. Так мало-помалу шло формирование аристократии тоги с ее собственными привилегиями, слоя администраторов и т. д., ученых, теоретиков и философов – не церковнослужителей и т. д.

Так как эти различные категории традиционной интеллигенции, объединенные «корпоративным духом», чувствуют свою непрерывную историческую преемственность и свои «особые качества», то они и считают себя самостоятельными и не зависимыми от господствующей социальной группы. Эта позиция самообособления не остается без далеко идущих последствий в области идеологии и политики. (Вся идеалистическая философия может быть легко увязана с этой позицией, занятой интеллигенцией как социальным целым, и определена как выражение той социальной утопии, в соответствии с которой интеллигенты считают себя «независимыми», самостоятельными, обладающими собственными чертами и т. д. Следует заметить, однако, что если папа и высшая иерархия церкви считают себя более связанными с Христом и апостолами, чем с сенаторами Аньелли и Бенни, то это не имеет места, например, для Джентиле и Кроче; Кроче в особенности чувствует себя прочно связанным с Аристотелем и Платоном, но он даже не скрывает, что связан и с сенаторами Аньелли и Бенни, и в этом как раз и следует искать наиболее характерную черту философии Кроче.)

(Это исследование по истории интеллигенции не будет носить «социологического» характера, но потребует целого ряда очерков по «истории культуры» (Kulturgeschichte) и истории политической науки. Тем не менее трудно будет избежать некоторого формального схематизма и абстрактности, который напоминает о «социологии»:

поэтому необходимо находить литературную форму, наиболее подходящую для того, чтобы придать изложению «несоциологический» характер. И начать исследование следовало бы с методологической критики тех уже имеющихся трудов об интеллигенции, которые по своим особенностям почти целиком являются социологическими. Отсюда непременно нужно составить библиографию по данной теме.)

Каковы «максимальные» границы понятия «интеллигент»? Можно ли найти единый критерий для характеристики всех различных и разобщенных видов деятельности интеллигенции и для установления в то же время существенных различий между этой деятельностью и деятельностью других социальных группировок? Наиболее распространенной методологической ошибкой является, на мой взгляд, попытка искать этот критерий отличия в сущности интеллектуальной деятельности, а не наоборот – в совокупной системе отношений, через которую эта деятельность (и, следовательно, группы, которые ее осуществляют) включается в общий комплекс общественных отношений. Действительно, специфической особенностью рабочего, пролетария, например, является не то, что он занимается ручным или исполнительским трудом, а то, что он занимается этим трудом в определенных условиях и в определенных общественных отношениях (не говоря уже о том, что не существует чисто физического труда и что даже выражение Тейлора «дрессированная горилла» есть метафора, указывающая на предел в известном направлении; в любой физической работе, даже наиболее механической и черной, существует некий минимум технической квалификации, то есть какой-то минимум созидательной интеллектуальной деятельности). Выше уже было замечено, что предприниматель в силу самого характера выполняемой им функции должен иметь в определенной мере ряд качеств интеллектуального характера, хотя его социальное лицо определяется не ими, а общими социальными отношениями, которые именно и характеризуют место предпринимателя в производстве.

На этом основании можно было бы утверждать, что все люди являются интеллигентами, но не все люди выполняют в обществе функции интеллигентов (так, о том, кто жарит себе яичницу или пришивает заплату на куртку, не скажут, что он является поваром или портным). Таким образом исторически формируются специализированные категории людей для осуществления функций интеллигенции, формируются в связи со всеми социальными группами, но особенно с наиболее важными из этих, социальных групп, подвергаясь при этом самым широким и сложным преобразованиям в соответствии с развитием господствующей социальной группы. Одной из наиболее характерных черт всякой группы, которая развивается в направлении установления своего господства, является ее борьба за ассимиляцию и «идеологическое» завоевание традиционной интеллигенции – ассимиляцию и завоевание, которые совершаются тем более быстро и действенно, чем энергичнее данная группа формирует одновременно свою собственную органическую интеллигенцию. То огромное развитие, которое получили организация школьного обучения и учебно-просветительная деятельность (в широком смысле) в обществах, поднявшихся из средневекового мира, показывает, какое значение приобрели в современном мире категория интеллигенции и выполняемые ею функции: при этом стремились как углубить и расширить «интеллектуальность» каждого индивида, так и увеличить число специальностей и усовершенствовать их. Это было результатом

образования в каждой отрасли науки и техники учебно-просветительных учреждений разных ступеней, вплоть до органов, призванных двигать вперед так называемую «высокую культуру». (Школа является средством подготовки интеллигенции различных ступеней. Сложность функций, выполняемых интеллигенцией в различных государствах, можно объективно измерить количеством специализированных школ и числом последовательных ступеней их: чем шире школьный «ареал» и чем многочисленнее «вертикальные ступени» школы, тем сложнее культурный мир, цивилизация определенного государства. Существует мерило для сравнения в сфере техники промышленного производства: индустриализация страны измеряется технической оснащенностью промышленности, создающей машины для создания машин, и техническим уровнем производства все более точных инструментов, применяемых при изготовлении как машин, так и инструментов для изготовления машин и т. д. Страна, которая имеет наилучшее оборудование для создания приборов, применяемых в научных лабораториях, и создания приборов для проверки этих приборов, может называться наиболее передовой в промышленно-техническом отношении, самой цивилизованной и т. д. Так же обстоит дело в области подготовки интеллигентов и создания специальных школ для такой подготовки: есть связь подобия между школами и учреждениями высшей культуры.) (И в этой области количество не может быть отделено от качества. Самой тонкой технико-культурной специализации не может не соответствовать как можно более широкое распространение начального обучения и стремление всемерно поощрять увеличение числа школ средних ступеней. Естественно, что этот необходимый процесс создания наиболее широкой базы для отбора и подготовки работников самых высоких интеллектуальных профессий – то есть придания высокой культуре и высокой технике демократической структуры, – не обходится без затруднений: так, например, возникает возможность острых всплесков безработицы средних слоев интеллигенции, как это фактически и происходит во всех современных обществах.)

Надо отметить, что формирование ряда слоев интеллигенции в конкретной действительности происходит не на абстрактной демократической почве, но в соответствии с весьма конкретными традиционными историческими процессами. Сложились слои, которые по традиции «производят» интеллигентов, причем такими слоями являются именно те, которые обычно специализируются в «сбережении», а именно мелкая и средняя сельская буржуазия и некоторые слои мелкой и средней городской буржуазии. Различное распределение разных типов школ (классические и профессиональные) в пределах «хозяйственной» территории и различные устремления разнообразных категорий этих слоев определяют или, точнее, придают форму созданию специалистов разных отраслей. Так, в Италии сельская буржуазия порождает в основном государственных чиновников и лиц свободных профессий, тогда как городская буржуазия порождает преимущественно технических специалистов для промышленности; поэтому Северная Италия производит главным образом технических специалистов, а Южная – чиновников и лиц свободных профессий.

Взаимоотношения между интеллигенцией и миром производства отнюдь не непосредственные, какие характерны для основных социальных групп; они являются в различной степени «опосредованными» всей социальной тканью, комплексом

надстроек, «функционерами» которых и являются интеллигенты. Можно было бы измерить степень «органичности» различных слоев интеллигенции, их более или менее тесную связь с основной социальной группой, регистрируя градацию функций и надстроек снизу доверху (от базиса вверх). Можно отметить пока два больших надстроечных «этажа»: этаж, который можно называть «гражданским обществом», то есть совокупность организаций, простонародно называемых «частными», и этаж «политического общества, или государства», которым соответствуют функция «гегемонии» господствующей группы во всем обществе и функция «прямого господства», или командования, выражающаяся в деятельности государства и «законного» правительства. Эти функции являются именно организационными и связующими. Интеллигенты служат «приказчиками» господствующей группы, используемыми для осуществления подчиненных функций социальной гегемонии и политического управления, а именно: 1) для обеспечения «спонтанного» согласия широких масс населения с тем направлением социальной жизни, которое задано основной господствующей группой, – согласия, которое «исторически» порождается престижем господствующей группы (и, следовательно, оказываемым ей доверием), обусловленным ее положением и ее функцией в мире производства; 2) для приведения в действие государственного аппарата принуждения, «законно» обеспечивающего дисциплину тех групп, которые не «выражают согласия» ни активно, ни пассивно; этот аппарат, однако, учрежден для всего общества на случай таких критических моментов в командовании и управлении, когда спонтанное согласие исчезает. Результатом такой постановки проблемы является очень большое расширение понятия интеллигента, но только таким путем можно достигнуть конкретного приближения к действительности. Такой способ постановки вопроса наталкивается на кастовые предубеждения; верно, конечно, что одна и та же организационная функция социальной гегемонии и государственного господства дает место определенному разделению труда и, следовательно, целой градации специальностей, причем некоторые из них уже не имеют какого-либо руководящего или организационного статуса: в аппарате общественного и государственного руководства существует целый ряд должностей, требующих ручного и исполнительского по своему характеру труда (должности, предназначенные для поддержания порядка, а не для выработки идей, должности агентов, а не офицеров или функционеров и т. д.), и, разумеется, необходимо делать такое различие, как и некоторые другие. В самом деле, и с точки зрения внутреннего содержания интеллектуальной деятельности также должна проводиться градация ее по ступеням, которые – если брать крайности – дают подлинно качественное различие: на самой высокой ступени следует поместить творческих работников в области различных наук, философии, искусства и т. д.; на самой низкой – скромных «администраторов» и распространителей уже существующих, традиционных, ранее накопленных интеллектуальных богатств. Военная организация также и в этом случае дает образец таких сложных градаций: младшие офицеры, старшие офицеры, главный штаб; и не следует забывать войсковых унтер-офицеров, реальное значение которых больше, чем это принято думать. Интересно заметить, что все эти части чувствуют себя слитными и, более того, низшие слои обнаруживают более явный корпоративный дух и черпают из него «амбицию», которая часто делает их предметом острот и насмешек.

Взятая в таком ее понимании, категория интеллигенции в современном мире невероятно расширилась. Демократическо-бюрократическая социальная система

создала внушительную массу интеллигентов, существование которых не всегда оправдано общественными потребностями производства, хотя и может быть необходимо для политических нужд основной господствующей группы. Отсюда берет начало и сформулированная Лориа концепция непроизводительного «работника» (непроизводительного по отношению к кому и к какому роду производства?), которая могла бы частично быть оправдана, если бы учитывалось, что эта масса использует свое положение для того, чтобы присваивать огромные суммы, изымаемые из национального дохода. Формирование этой интеллигенции в массовом порядке привело к стандартизации индивидов как в отношении их индивидуальной квалификации, так и в отношении их психологии, порождая те же самые явления, что и во всех других стандартизованных массах: конкуренцию, которая вызывает необходимость в защитных профессиональных организациях, безработицу, школьное перепроизводство, эмиграцию и т. д.

Различие позиций интеллигенции городского и сельского типа. Интеллигенция городского типа выросла вместе с промышленностью и связана с ее судьбами. Ее роль можно сравнить с ролью младших офицеров в армии: у нее нет никакой самостоятельной инициативы в выработке производственных планов; она является связующим звеном между исполнительской массой и предпринимателем, доводит до непосредственного исполнения производственный план, установленный главным штабом промышленности, контролирует отдельные участки работы. Средние слои городской интеллигенции очень стандартизованы, в то время как высшие слои все больше смешиваются с главным штабом промышленности.

Интеллигенция сельского типа является в значительной части «традиционной», то есть связанной с крестьянской социальной средой и с мелкой буржуазией города (особенно небольших центров), еще не переваренной и не сдвинутой с места капиталистической системой: этот тип интеллигента устанавливает контакт крестьянской массы с администрацией, как государственной, так и местной (адвокаты, нотариусы и т. д.), и именно в силу этой своей функции играет большую общественно-политическую роль, поскольку профессиональное посредничество трудно отделить от посредничества политического. Кроме того, в деревне интеллигент (священник, адвокат, учитель, нотариус, врач и т. д.) имеет в среднем более высокий жизненный уровень, или по крайней мере отличный от уровня среднего крестьянина, и поэтому представляет для него социальный образец, о котором тот мечтает, стремясь выйти из своего состояния и улучшить свое положение. Крестьянин думает всегда, что по крайней мере один из его сыновей сможет стать интеллигентом (в особенности священником), то есть сделается синьором и таким образом поднимет на более высокую социальную ступень всю семью и облегчит ей ведение хозяйства благодаря связям, которые он сможет установить с другими синьорами. Отношение крестьянина к интеллигенту является, таким образом, двойственным и выглядит противоречивым: он преклоняется перед социальным положением интеллигента и вообще государственного служащего, но временами делает вид, что презирает его, то есть в его преклонение инстинктивно входят элементы зависти и страстной ненависти. Ничего нельзя понять в коллективной жизни крестьян и в тех ростках и ферментах развития, которые в ней существуют, если не принимать во внимание, не изучать конкретно и глубоко это фактическое подчинение крестьян сельской интеллигенции: всякое органическое развитие

крестьянских масс вплоть до известного предела связано с движениями интеллигенции и зависит от них.

Иное положение с городской интеллигенцией: технический персонал на фабриках и заводах не развивает никакой политической деятельности в отношении исполнительских масс или по крайней мере это уже пройденный этап; временами происходит как раз обратное – эти массы, по крайней мере через свою собственную органическую интеллигенцию, осуществляют политическое влияние на технических специалистов.

Центральным пунктом вопроса остается различие между категорией органической интеллигенции любой основной социальной группы и категорией традиционной интеллигенции – различие, которое порождает целый ряд проблем и возможность новых исторических исследований. Наиболее интересной проблемой является – если рассматривать ее с этой точки зрения – проблема современной политической партии, ее реального происхождения, ее развития, ее форм. Что представляет собой политическая партия с точки зрения проблемы интеллигенции? Здесь необходимо сделать некоторые разграничения: 1) для некоторых социальных групп политическая партия есть не что иное, как присущее им средство выработать категорию собственной органической интеллигенции (которая формируется и может формироваться только таким образом, учитывая общие черты и условия формирования, жизнедеятельности и развития данной социальной группы), выработать непосредственно в области политики и философии, но уже не в области техники производства (в области техники производства формируются те слои, которые, можно сказать, соответствуют «войсковым унтер-офицерам» в армии, то есть квалифицированные и специализированные рабочие в городе и – более сложным образом – исполщики и арендаторы в деревне, поскольку исполщики и арендаторы вообще соответствуют скорее типу ремесленника, который, по существу, является квалифицированным рабочим в средневековой экономике); 2) для всех социальных групп политическая партия является механизмом, выполняющим в гражданском обществе ту же самую функцию, которую в политическом обществе выполняет в более широкой и более синтетической мере государство, заботясь об укреплении связей между органической интеллигенцией определенной – а именно господствующей – группы и традиционной интеллигенцией, и эту функцию партия выполняет в зависимости от своей основной функции, заключающейся в подготовке собственных кадров, элементов определенной социальной группы, родившейся и развившейся как «экономическая», вплоть до превращения их в квалифицированных политических интеллигентов, руководителей, организаторов всех видов деятельности и функций, присущих органическому развитию интегрального общества, гражданского и политического. Можно даже сказать, что в своей области политическая партия выполняет свою функцию полнее и органичнее, чем государство выполняет свою в более широком диапазоне: интеллигент, который становится членом политической партии определенной социальной группы, смешивается с органической интеллигенцией этой группы, тесно объединяется с самой группой, что через посредство государственной жизни осуществляется лишь в слабой степени, а то и вовсе не осуществляется. При этом многие интеллигенты считают, что они-то и есть государство, это мнение, вследствие того что категория разделяющих его лиц является весьма многочисленной, иной раз влечет за собой

значительные последствия и приводит к неприятным осложнениям для основной экономической группы, которая действительно является государством.

Утверждение, что все члены политической партии должны рассматриваться как интеллигенты, может дать повод для шуток и карикатур; и все же, если поразмыслить, это именно так и никак иначе. Здесь следует, по-видимому, учитывать уровни, партия может иметь в своем составе больший или меньший процент людей высшего или низшего уровня, но важно не это: важна руководящая и организующая роль, то есть роль воспитателя, а значит интеллигента. Коммерсант становится членом политической партии не для того, чтобы с большей выгодой заниматься торговлей, промышленник – не для того, чтобы производить больше с меньшими затратами, крестьянин – не для того, чтобы усвоить новые методы обработки земли, хотя политическая партия и может удовлетворить в некотором отношении эти требования коммерсанта, промышленника, крестьянина (общее мнение противоречит этому, утверждая, что «политиканствующие» коммерсант, промышленник, крестьянин даже теряют, а не выигрывают, и являются худшими представителями своих категорий, но это можно оспорить). Этим целям в известных пределах отвечает профессиональный союз, в котором экономико-корпоративная деятельность коммерсанта, промышленника, крестьянина находит наиболее подходящие рамки. В политической партии лица, принадлежащие к той или иной социально-экономической группе, преодолевают этот момент их исторического развития и становятся участниками общей деятельности, как национальной по своему характеру, так и интернациональной. Природа этой функции политической партии должна будет стать более ясной в результате конкретного исторического анализа путей развития органической и традиционной категорий интеллигенции как на специфической почве национальной истории, так и на почве развития разных наиболее значительных социальных групп в рамках различных наций, в особенности тех групп, экономическая деятельность которых была по преимуществу исполнительской.

Формирование традиционной интеллигенции является наиболее интересной исторической проблемой. Она, конечно, связана с рабством античного мира и с положением вольноотпущенников греческого и восточного происхождения в недрах социальной организации Римской империи.

Этот не только социальный, но и национальный, расовый разрыв между значительными массами интеллигентов и господствующим классом Римской империи воспроизводится после падения империи как разрыв между германскими воинами и интеллигентами романизированного происхождения, преемниками категории вольноотпущенников. С этими явлениями переплетается рождение и развитие католицизма и церковной организации, которая на многие века подчинит своим интересам большую часть духовной деятельности и будет осуществлять монополию в культурном руководстве в сочетании с карательными санкциями по отношению к тем, кто вздумает противиться этой монополии или обойти ее. В Италии является фактом, что интеллигенция полуострова выполняла в большей или меньшей степени, в зависимости от времени, космополитическую функцию. Отметим различия, которые сразу бросаются в глаза в развитии интеллигенции ряда стран, по крайней мере наиболее значительных. Однако следует предупредить, что эти замечания должны быть подвергнуты проверке и углублению (впрочем, все эти заметки нужно

рассматривать просто как начальные и напоминающие о необходимости дальнейшей проверки и углубления).

Для Италии центральным фактом является именно то, что ее интеллигенция выполняла интернациональную, или космополитическую, функцию, ставшую причиной и следствием того состояния раздробленности, в котором полуостров пребывал со времени падения Римской империи и до 1870 года.

Франция дает законченный тип гармонического развития всех национальных сил и в особенности категорий интеллигенции; когда в 1789 году новая социальная группировка появилась на политической арене истории, она была полностью подготовлена для выполнения всех социальных функций и поэтому могла бороться за всестороннее господство в нации, не идя на существенные компромиссы со старыми классами, а, напротив, подчиняя их собственным целям. Первые ячейки интеллигенции нового типа рождаются с первыми ячейками новой экономики: даже сама церковная организация испытала их влияние (галликанство, рано начавшиеся столкновения между церковью и государством). Эта мощь организации интеллигенции объясняет роль французской культуры в XVIII и XIX веках как излучателя интернациональных и космополитических идей, роль ее распространения, органически носящего империалистический и гегемонистский характер и поэтому весьма отличающегося от распространения итальянской культуры, осуществляющегося разрозненно, путем иммиграции отдельных ее представителей, и не только не оказывающего обратного влияния на свою национальную базу, чтобы усилить ее, а, наоборот, способствующего тому, чтобы создание прочной национальной базы сделать невозможным.

В России совершенно другие отправные начала: политическая и хозяйственно-торговая организация была создана норманнами (варягами); религиозная-византийскими греками; в последующее время немцы и французы несут европейский опыт в Россию и придают первый плотный костяк русскому историческому «студню». Национальные силы инертны, пассивны и восприимчивы, но, может быть, именно поэтому они полностью ассимилируют иностранные влияния и самих иностранцев, русифицируя их. В более близкий исторический период происходит обратное явление: элита, состоящая из наиболее активных лиц, энергичных, предприимчивых и образованных, выезжает за границу, усваивает культуру и исторический опыт более передовых стран Запада, не теряя при этом и наиболее существенных черт собственной национальной культуры, то есть не порывая духовных и исторических связей со своим народом; завершив таким образом свою интеллектуальную подготовку, они возвращаются на родину, принуждая народ к насильственному пробуждению, к ускоренному движению вперед, перескакивая через этапы. Различие между этой элитой и импортированной немецкой (Петром Великим, например) состоит в том, что она носит, по существу, народно-национальный характер: ее не может захлестнуть инертная пассивность русского народа, поскольку она сама является энергичной русской реакцией именно на эту историческую инертность.

На другой почве и в совершенно отличающихся условиях времени и места этот русский феномен может быть сравнен с рождением американской нации (Соединенные Штаты): англосаксонские иммигранты также являются

интеллектуальной элитой, в особенности в нравственном отношении. Речь идет, естественно, о первых иммигрантах, о пионерах, участниках английских религиозных и политических битв, побежденных, но не униженных и не подавленных на их родине. Они вносят в Америку вместе с собой кроме нравственной и волевой энергии известную степень цивилизации, известную фазу европейской исторической эволюции, которая, будучи пересажена на девственную американскую почву такого рода людьми, продолжает развивать силы, заложенные в ее природе, но несравненно более быстрым темпом, чем в старой Европе, где существует целый ряд ограничений (моральных, интеллектуальных, политических, экономических, создаваемых определенными группами населения, остатками прошлых режимов, не желающих исчезать), которые препятствуют быстрому прогрессу и приравнивают к посредственности всякую инициативу, растворяя ее во времени и в пространстве.

В Англии развитие во многом отличается от Франции. Новая социальная группировка, родившаяся на базе современного индустриализма, получает поразительное экономико-корпоративное развитие, но в идейно-политической области продвигается еле-еле. Очень широка категория органической интеллигенции, рожденной на той же самой индустриальной почве, что и сама экономическая группа, но в более высокой сфере сохранилось почти монопольное положение старого земельного класса, который теряет экономическое главенство, но надолго сохраняет политико-идейное превосходство и ассимилируется новой правящей группой как «традиционная интеллигенция» и как руководящий слой. Старая земельная аристократия соединяется с промышленниками с помощью такого типа «шва», какой в других странах как раз соединяет традиционную интеллигенцию с новыми господствующими классами.

Это английское явление наблюдается также в Германии, где оно осложнено другими историческими и традиционными элементами. Германия, как и Италия, была тем местом, где господствовал универсалистский, наднациональный институт («Священная Римская империя германской нации») с соответствующей идеологией, и она дала известное количество деятелей средневековому мировому граду, обедняя собственные внутренние силы; развязывала битвы, которые отвлекали от проблем национальной организации и поддерживали территориальную раздробленность средневековья. Развитие промышленности происходило под полуфеодальной оболочкой, просуществовавшей вплоть до ноября 1918 года, и юнкеры сохраняли свое политико-идейное превосходство, значительно более могущественное, чем превосходство такой же английской группы. Они были традиционной интеллигенцией немецких промышленников, но с особыми привилегиями и с твердой уверенностью в том, что они являются независимой социальной группой, поскольку они прочно держали в своих руках экономическую власть над земельными угодьями, более «производительными», чем в Англии. Прусские юнкеры подобны военно-жреческой касте, которая имеет почти неограниченную монополию организационно-руководящих функций в политическом обществе, но в то же время они имеют свою собственную экономическую базу и не зависят исключительно от щедрости господствующей экономической группы. Кроме того, в отличие от английских землевладельцев, юнкеры были той средой, из которой комплектовался офицерский состав большой постоянной армии, что давало им прочные организаторские кадры, предрасположенные к сохранению корпоративного духа и политической монополии

(в книге Макса Вебера «Парламент и правительство в новом устройстве Германии» можно найти многие факты, показывающие, что политическая монополия дворян не только препятствовала формированию достаточного количества опытных буржуазных политических деятелей, но и являлась основой непрерывных парламентских кризисов и распада либеральных и демократических партий; отсюда значение Католического центра и социал-демократии, которым в имперский период удалось создать собственный довольно значительный парламентский и руководящий слой).

В Соединенных Штатах надо отметить отсутствие в известном смысле традиционной интеллигенции и, следовательно, необычное равновесие различных категорий интеллигенции вообще. На промышленной базе возникла компактная система всех современных надстроек. Необходимость равновесия определялась не потребностью слить органическую интеллигенцию с традиционной, которой не существовало как застывшей и косной категории, а тем, что требовалось сплавить в общем тигле единой национальной культуры различные типы культур, привнесенных иммигрантами разного национального происхождения. Отсутствие значительных наслоений традиционной интеллигенции, отложившихся в странах древней культуры, частично объясняет то, что существуют только две большие политические партии, которые можно было бы, по сути дела, легко свести к одной (здесь уместно провести сравнение с Францией, и не только с послевоенной, когда умножение числа партий сделалось общим явлением), и в противоположность этому безграничное множество религиозных сект (мне кажется, их было зафиксировано более двухсот; следует сравнить с Францией и с ожесточенными битвами, предпринятыми для поддержания религиозного и морального единства французского народа).

В Соединенных Штатах наблюдается еще одно интересное явление, подлежащее изучению, – формирование поразительно большого числа интеллигентов-негров, которые усваивают американскую культуру и технику. Следует подумать о косвенном влиянии, которое эти негритянские интеллигенты могут оказать на отсталые массы Африки, и о прямом влиянии, если сбудется одно из следующих предположений: 1) что американский экспансионизм воспользуется неграми США как своими агентами для завоевания в Африке рынков и распространения собственного типа культуры (кое-что в этом роде уже сделано, но не знаю, в какой мере); 2) что борьба за унификацию американского народа обострится до такой степени, что приведет к массовой эмиграции негров и возвращению в Африку наиболее независимых и энергичных представителей интеллигенции, менее склонных, следовательно, подчиняться возможному законодательству, еще более унижительному, чем распространенные в настоящее время обычаи. В этих условиях возникли бы два основных вопроса: а) вопрос о языке: смог ли бы английский язык сделаться культурным языком Африки, объединяя существующую распыленность диалектов? б) смог ли бы этот интеллигентский слой иметь ассимилирующую и организующую способность в такой мере, чтобы сделать «национальным» нынешнее примитивное чувство презираемой нации, поднимая значение африканского континента как носителя мифа и функции родины, общей для всех негров? Мне кажется, что пока еще негры Америки должны иметь расовый и национальный дух более негативный, чем позитивный, порожденный той борьбой, которую белые ведут с целью их изоляции и притеснения: но не то же ли самое было с евреями вплоть до XVIII века? Уже

американизированная Либерия с официальным английским языком могла бы стать Сионом американских негров с тенденцией превратиться в африканский Пьемонт.

Что касается Южной и Центральной Америки, то, на мой взгляд, вопрос об интеллигенции здесь нужно исследовать, учитывая следующие основные условия: в Южной и Центральной Америке также не существует обширной категории традиционной интеллигенции, но тем не менее дело в ней обстоит не так, как в Соединенных Штатах. И действительно, в основе развития этих стран лежат испанская и португальская цивилизации XVI и XVII веков, характеризующиеся Контрреформацией и паразитическим милитаризмом. Такие застывшие социальные слои, до сих пор существующие в этих странах, как духовенство и военная каста, представляют собой категории традиционной интеллигенции, закостеневшие в рамках традиций европейской матери-родины. Индустриальная база очень узка и не развила сложных надстроек: основная масса интеллигенции принадлежит к сельскому типу, и так как господствующую роль играют латифундии и обширные церковные владения, то эти интеллигенты связаны с духовенством и с крупными землевладельцами. Национальный состав очень неоднороден даже среди белых и еще сложнее у значительных масс индейцев, составляющих в некоторых из этих стран большинство населения. Вообще говоря, можно сказать, что в этих американских областях еще существует положение периода «Kulturkampf» и процесса Дрейфуса, то есть положение, при котором светскому и буржуазному элементу еще не удалось достигнуть фазы подчинения светской политике современного государства клерикальных и милитаристских интересов и влияния. Происходит так, что ввиду оппозиции иезуитству все еще имеет большое влияние масонство и такой тип культурной организации, как «позитивистская церковь». События последнего времени (ноябрь 1930 года) – от Kulturkampf Кальеса в Мексике и до народно-военных восстаний в Аргентине, Бразилии, Перу, Чили, Боливии – показывают правильность этих замечаний.

Другие типы формирования категорий интеллигенции и их взаимоотношений с национальными силами можно найти в Индии, Китае, Японии. В Японии образование интеллигенции совершалось по английскому и немецкому типу, то есть происходило на основе промышленной цивилизации, развивающейся внутри феодально-бюрократической оболочки, и имело свои собственные отличительные черты.

В Китае налицо та особая письменность, которая выражает полное отделение интеллигенции от народа. В Индии и в Китае огромная дистанция между интеллигенцией и народом проявляется также в религиозной области. Проблема различных верований и различия в способе восприятия и исповедания одной и той же религии среди разных слоев общества, в особенности среди духовенства, интеллигенции и народа, должна быть вообще основательно изучена, поскольку в известной степени такие различия наблюдаются повсюду, хотя в странах Восточной Азии можно встретить наибольшие крайности. В протестантских странах эти различия относительно невелики (размножение сект связано с требованием полного единения интеллигенции и народа, что воспроизводит в сфере высшей организации всю путаницу реальных представлений народных масс). Очень значительны эти различия в католических странах, но и здесь они не всюду одинаковы: не столь велики

в католической части Германии и во Франции, несколько больше в Италии, особенно на Юге и на островах, и исключительно велики на Иберийском полуострове и в странах Латинской Америки. Это явление в еще больших масштабах обнаруживается в православных странах, где необходимо говорить о трех ступенях одной и той же религии: высшего духовенства и монахов, священников и народа. Оно доходит до абсурда в Восточной Азии, где религия народа часто не имеет ничего общего с книжной религией, хотя обе носят одно и то же название.

Когда различают интеллигентов и неинтеллигентов, то в действительности имеют в виду непосредственную социальную роль профессиональной категории интеллигенции, то есть принимается в расчет направление, куда сдвигается центр тяжести специфической профессиональной деятельности – в интеллектуальную работу или в нервно-мускульное усилие. Это означает, что если можно говорить об интеллигентах, то нельзя говорить о неинтеллигентах, ибо неинтеллигентов не существует. Но само отношение между интеллектуально-мозговой работой и нервно-мускульным усилием не является всегда одинаковым, и, следовательно, имеются различные ступени специфической интеллектуальной деятельности. Нет такой человеческой деятельности, из которой можно было бы исключить всякое интеллектуальное вмешательство, нельзя отделить *homo faber* от *homo sapiens*. Наконец, и за пределами своей профессии всякий человек развивает некоторую интеллектуальную деятельность, является «философом», художником, ценителем искусства, разделяет определенное мировоззрение, имеет определенную сознательную линию морального поведения, следовательно, играет определенную роль в поддержании или в изменении мировоззрения, то есть в пробуждении нового образа мыслей. Проблема создания нового слоя интеллигенции заключается в том, чтобы критически преобразовывать интеллектуальную деятельность, которая в той или иной степени свойственна каждому человеку, изменяя ее соотношение с нервно-мускульной деятельностью, устанавливая равновесие между ними на новом уровне и добиваясь того, чтобы сама нервно-мускульная деятельность, поскольку она является элементом общей практической деятельности, непрерывно обновляющей физический и социальный мир, стала основой нового и цельного мировоззрения. Традиционный и вульгаризированный тип интеллигента обычно видят в литераторе, философе, художнике. Поэтому журналисты, которые считают себя литераторами, философами, художниками, усматривают в себе также «истинных» интеллигентов. В современном мире техническое образование, тесно связанное с промышленным трудом, хотя бы самым примитивным или неквалифицированным, должно создавать базу для нового типа интеллигента. На этой основе работал еженедельник «Ордине нуово», стремясь развить известные формы новой интеллигентности и выдвинуть новые идеи, и это было не последней причиной его успеха, поскольку такая установка соответствовала скрытым стремлениям и согласовывалась с развитием реальных форм жизни. Деятельность нового интеллигента не может уже сводиться к ораторству, внешнему и кратковременному возбудителю чувств и страстей, но должна заключаться в активном слиянии с практической жизнью в качестве строителя, организатора, «непрерывно убеждающего» делом, а не только ораторствующего, – и тем не менее возвышающегося над абстрактно-математическим духом; от техники-труда необходимо двигаться к технике-науке и к историческому гуманистическому мировоззрению, без которого остается только «специалист» и не происходит становления «руководителя» (специалиста плюс политика).

Для этого раздела необходимо проанализировать «Элементы политики как науки» Моски (новое, дополненное издание 1923 г.). Так называемый «политический класс» Моски – не что иное, как интеллигенция господствующей социальной группы, понятие «политический класс» Моски следует сблизить с понятием элиты Парето, которое является еще одной попыткой объяснить такое историческое явление, как интеллигенция, и ее роль в государственной и общественной жизни. Книга Моски – это непомерная мешанина социологического и позитивистского характера с добавлением непосредственно политических устремлений, делающих ее менее неудобоваримой и более живой с литературной точки зрения.

Традиционная интеллигенция. В связи с одной из категорий этой интеллигенции, возможно, наиболее важной после церковнослужителей, по своему авторитету и социальной роли, которую она играла в первобытном обществе, – категорией врачей в широком смысле слова, то есть всех тех, кто «борется», или кажется, что «борется», со смертью и болезнями, необходимо будет просмотреть «Историю медицины» Артуро Кастильони. Вспомним, что между религией и медициной была связь, а в некоторых районах есть и до сих пор: больницы в руках церковников, занимающихся организационной стороной дела, к тому же там, где появляется врач, появляется и священнослужитель (заклинание духов, различные формы помощи и т. д.). Многие крупные религиозные деятели выступали также и воспринимались как великие «врачеватели»: идея чуда вплоть до воскрешения из мертвых. И что касается королей, долго бытовало поверье, будто они исцеляют наложением рук и т. д.

О политических писателях и писателях-моралистах XVII века, о которых говорится у Кроче в его книге «История эпохи барокко», см. рецензию Доменико Петрини (в «Пегазо» за август 1930 года) «Политики и моралисты XVII века» на книгу под тем же названием «Политики и моралисты XVII века» (Страда, Дзукколо, Сеттала, Аччетто, Бриньоле Сале, Мальвецци) под редакцией Бенедетто Кроче и Сантино Карамелла (серия «Писатели Италии»).